

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347.934

ББК 67.522.1

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

С. И. Давыдов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Анализируются подходы к законодательной регламентации в уголовно-процессуальных кодексах отдельных бывших республик СССР нового института негласных следственных действий. Приводятся противоречивые оценки реформирования российского уголовно-процессуального законодательства в этом контексте с учетом зарубежного опыта. Отмечается тенденция расширения законодательного закрепления полномочий следователя по использованию негласных способов добывания информации в интересах следствия. Обосновывается наличие предпосылок для более активного использования следователем негласных методов раскрытия и расследования преступлений. Подчеркивается их значимость в исполнении предписанной в УПК РФ обязанности следователя принимать меры по установлению лица, совершившего преступление. Делается вывод о недостаточном научном обеспечении введения института негласных следственных действий в УПК РФ. Выделяются актуальные направления научных исследований в этой сфере, которые должны носить междисциплинарный характер.

Ключевые слова: негласные следственные действия, правовое регулирование, зарубежный опыт, интеграция, уголовный процесс.

SECRET INVESTIGATIVE ACTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION

S. I. Davidov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Approaches to legislative regulation in the criminal procedural codes of individual former USSR republics of the new institution of covert investigative actions are analyzed. Contradictory assessments of the reform of Russian criminal procedure legislation in this context are given, taking into account foreign experience. There is a tendency to expand the legislative consolidation of the investigator's powers to use secret methods of obtaining information in the interests of the investigation. The existence of prerequisites for more active use by the investigator of secret methods of solving and investigating crimes is substantiated. Their importance in the fulfillment of the investigator's duty prescribed in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to take measures to identify the person who committed the crime is emphasized. The conclusion is made that there is insufficient scientific support for the introduction of the institution of

covert investigative actions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Current directions of scientific research in this area, which should be interdisciplinary in nature, are highlighted.

Keywords: covert investigative actions, legal regulation, foreign experience, integration, criminal process.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2023\)4.15](https://doi.org/10.14258/ralj(2023)4.15)

Обращение к сравнительному анализу правового регулирования негласных следственных действий в Российской Федерации и за рубежом обусловлено существенным расширением за последние годы законодательной регламентации во многих бывших республиках СССР (Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове и др.) следственных действий, определяемых как «негласные» или «специальные». К примеру, в уголовно-процессуальном кодексе Республики Кыргызстан, принятом в 2021 г., выделена отдельная глава 31 «Специальные следственные действия». Такие действия определяются законом, как проводимые без информирования вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, интересы которых они затрагивают, и направленные на выяснение обстоятельств, получение сведений, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, когда следственными действиями установить это не представляется возможным [1]. Вместе с тем в Уголовно-процессуальном кодексе РФ термины «негласные» или «специальные» применительно к следственным действиям не используются, хотя в самом российском законе негласные следственные действия представлены. По существу они являются аналогами некоторых оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), которые регламентируются Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее Закон об ОРД) и проводятся негласно. Таким образом, возникает вопрос, насколько целесообразно предоставлять следователю дополнительные полномочия использовать негласные средства и методы, которые фактически уже реализуются специальными субъектами в рамках оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Представляется, что для поддержания наметившейся в РФ тенденции расширения законодательного установления полномочий следователя по использованию негласных способов добывания информации в интересах следствия с учетом зарубежного опыта, имеются некоторые предпосылки.

Прежде всего, это недостаток имеющихся у следователя в настоящее время инструментов для решения одной из центральных задач расследования — установление лица, совершившего преступление. По данным статистики, практически каждое второе преступление в РФ остается нераскрытым, т. е. лица, которые их совершили, не установлены. Известно, что указанная задача решается в первую очередь оперативно-розыскными органами. Но и со следователя эту обязанность никто не снимал, более того, она возлагается на него Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее УПК РФ). Так, в соответствии с ч. 5 ст. 208 УПК РФ следователь обязан до приостановления предварительного следствия выполнить все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, и принять меры по установлению лица, совершившего преступление. В случае если уголовное дело приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, следователь в соответствии с ч. 2 ст. 209 УПК РФ «принимает меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого». Как видим, закон вполне определенно предписывает следователю осуществлять поисковые действия, направленные на выявление, обнаружение сведений, позволяющих установить лицо, совершившее преступление.

Если же проанализировать, а что имеется в арсенале следователя для решения этой задачи, то нетрудно прийти к выводу — его возможности достаточно ограничены. Предусмотренные УПК РФ следственные действия, которые проводятся преимущественно гласно, имеют низкий поисковый потенциал. К тому же в соответствии с ч. 3 ст. 209 УПК РФ их производство не допускается после приостановления уголовного дела, даже если и по причине неустановления преступника. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать оперативно-розыскным подразделениям письменные поручения о проведении ОРМ, в том числе и направленные на установление лиц, совершивших преступление. Оперативно-розыскные органы в соответствии с ч. 2 ст. 14 Закона об ОРД обязаны их исполнять. Однако, как показывает практика, такая форма взаимодействия следовате-

ля и оперативных подразделений носит во многом формальный характер и не влияет существенно на эффективность поиска преступника.

Не являются эффективными в решении задачи установления лица, совершившего преступление, и другие действия, которые может осуществлять следователь после приостановления уголовного дела, например, направление запросов на предоставление документов, предметов; привлечение специалистов для дачи заключения; проведение бухгалтерских ревизий и документальных проверок; получение объяснений и др.

Полагаем, что отсутствие у следователя достаточных законодательно закрепленных средств и методов установления лица, совершившего преступление, сдерживает его в активной поисковой деятельности и в конечном итоге негативно влияет на результаты раскрываемости преступлений.

Еще одной предпосылкой совершенствования российского законодательства об использовании следователем негласных средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений является зарубежный опыт законотворческой деятельности в этой сфере. В этом смысле заслуживает внимания правовое регулирование проведения специальных следственных действий Уголовно-процессуальным кодексом Кыргызской Республики. В гл. 31 кодекса определено 11 видов таких следственных действий. Среди них: прослушивание переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами или о местоположении абонентского устройства; аудио-, видеоконтроль лица или места; внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности; контролируемая поставка и др.

Представляет интерес круг субъектов проведения специальных следственных действий — это следователь, который ведет досудебное производство по уголовному делу, или по его поручению — специально уполномоченный государственный орган. По решению должностного лица, уполномоченного проводить специальные следственные действия, могут быть привлечены специалисты, обладающие специальными познаниями, а также лица, изъявившие желание оказывать содействие на конфиденциальной основе (ч. 6 ст. 219).

Важно отметить, что УПК Кыргызстана содержит целый комплекс положений, предписывающих негласность применения норм, составляющих правовой институт специальных следственных действий:

- сведения о факте производства специального следственного действия и информация, полученная в результате его проведения, до окончания досудебного производства являются конфиденциальными, за разглашение которых должностные лица и лица, вовлеченные в его производство, несут ответственность в соответствии с Уголовным кодексом (ч. 1 ст. 224);
- сведения о методах и тактике производства специальных следственных действий о лицах, которые их проводят, в том числе о лицах, осуществляющих деятельность на конфиденциальной основе и в конспиративной форме, составляют государственные секреты и не подлежат разглашению (ч. 2 ст. 224).

Обратимся к опыту Казахстана. Институт негласных следственных действий введен в Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан в 2015 г. [2]. К таковым законодатель отнес: негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; негласный контроль почтовых и иных отправлений; негласные проникновение и (или) обследование места; негласное наблюдение за лицом или местом; негласный контрольный закуп и др.

Введение в уголовно-процессуальное законодательство института негласных следственных действий повлекло за собой необходимость пересмотра устоявшихся взглядов на вопросы правоприменения. Нетрудно заметить, что в данном случае имеет место особая форма реализации норм уголовно-процессуального права — негласное правоприменение, которая остается практически не исследованной в теории права. Как справедливо пишут В. Ф. Луговик и А. М. Баранов, «сейчас совершенно очевидно несоответствие современного состояния нормативной регламентации полномочий органов государства по негласности действий при раскрытии и расследовании преступлений международным стандартам и криминальной обстановке в России» [3, с. 9]. А выход из положения они связывают с необходимостью исследования целого комплекса фундаментальных и прикладных проблем негласного правоприменения. В частности, важно избавить участников уголовно-процессуальной деятельности от негативной мотивации при восприятии результатов негласных мероприятий

и их использовании в доказывании по уголовному делу; требуется пересмотр некоторых базовых теоретических положений российского уголовного процесса и ОРД — понятия следственных действий; принципа непосредственности восприятия следователем хода следственных действий и получаемой при их проведении информации; положений об использовании результатов ОРД в доказывании и др. Совершенно справедливо их предположение, что «реформирование должно способствовать устранению избыточных процедур при доказывании, сокращению сроков расследования, минимизации материальных и моральных издержек участников уголовно-процессуальной деятельности» [3, с. 10].

Вместе с тем ряд ученых высказывает небезосновательные опасения, полагая, что попытка внедрить в ткань уголовно-процессуального права «специальных следственных действий» чревата опасностью эрозии уголовно-процессуальных институтов, нивелированием существенных различий общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства и в сфере ОРД [4].

Несмотря на отсутствие достаточного научного обоснования негласного характера деятельности следователя по раскрытию и расследованию преступлений, в российском Уголовно-процессуальном кодексе представлены три следственных действия, относящихся к негласным: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185); контроль и запись переговоров (ст. 186); получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1) [5].

При этом в УПК РФ не употребляется термин «негласные следственные действия». Анализируя их содержание, приходим к выводу, что они по технологии добывания информации имеют сходство с ОРМ, предусмотренными Законом об ОРД. К примеру, следственное действие «контроль и запись переговоров» аналогично ОРМ «прослушивание телефонных переговоров». В качестве технических исполнителей указанного следственного действия и ОРМ выступают одни и те же оперативные подразделения, осуществляющие специальные технические мероприятия. В таком случае возникает вопрос, а какой смысл дополнительно вводить в УПК РФ и уполномочивать следователя осуществлять негласные следственные действия. По меньшей мере два аргумента в пользу такого подхода можно привести.

Во-первых, надо исходить из того, что следователь является организатором не только расследования, но и раскрытия преступления и установления лица, его совершившего. Если следователь для достижения цели раскрытия преступления полагается в большей степени на оперативные подразделения, он может утрачивать инициативу, упускать из виду значимую для дела информацию. В случае же инициативного использования следователем своего поискового потенциала в форме негласных следственных действий, эффективность его работы по добыванию информации, безусловно, повышается.

Во-вторых, посредством закрепления в УПК РФ негласных следственных действий во многом решается проблема использования полученных данных в качестве доказательств по уголовному делу. Пожалуй, это главное преимущество уголовно-процессуального правового института негласных следственных действий. Их результаты следователь оформляет протоколом и сразу приобщает к уголовному делу. В случае же проведения ОРМ требуется выполнение целого ряда формальных процедур для «введения» в уголовное дело их результатов — вынесение постановлений о рассекречивании результатов ОРД, о представлении их следователю и т. д. Подобные процедуры неизбежно осложняют работу по раскрытию преступлений.

Осмысление происходящих процессов в сфере правового регулирования негласных действий следователя приводит к выводам, что «налицо тенденция инкорпорации оперативно-розыскных возможностей раскрытия и расследования преступлений в состав средств сферы уголовно-процессуального регулирования, „процессуализация” способов ведения уголовного судопроизводства, ранее не присущих нормам уголовно-процессуального права» [6, с. 123].

Отметим, что идея интеграции уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства нами была высказана еще в 2012 г. [7]. В настоящее время наблюдается активность в ее реализации в нормативных правовых актах бывших республик СССР. В Российской Федерации законотворческий процесс в этом направлении пока можно охарактеризовать как осторожный, сдержанный.

Полагаем, что основным фактором, который должен влиять на более активное внедрение в уголовно-процессуальную деятельность негласных следственных действий, должны быть потребности следственной практики в быстром раскрытии преступлений и изобличении лиц, их совершивших.

Научное обоснование реформирования устоявшихся подходов к процессу доказывания посредством проведения негласных следственных действий требует проведения междисциплинарных исследований в области конституционного права, теории права, уголовно-процессуального права, оперативно-розыскного права. Крайне важна и разработка организационных и тактических вопросов проведения негласных следственных действий на основе достижений криминалистики и теории ОРД.

Представляется, что процесс гармонизации уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства является неизбежным и одним из перспективных направлений совершенствования правовой основы борьбы с преступностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. № 129. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 13.11.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V ЗПК URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 13.11.2023).
3. Луговик В. Ф., Баранов А. М. Негласное правоприменение в уголовном преследовании // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2. С. 7–11.
4. Зайцева Е. А. Уголовный процесс России: «Есть у революции начало, нет у революции конца»? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 4–9.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=loyfc8cudq299399305 (дата обращения: 13.11.2023).
6. Деришев Ю. В., Орумбаев Н. Е. Конфиденциальные процессуальные действия в континентальном уголовно-процессуальном законодательстве: поиск компромисса // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2015. № 2 (32). С. 122–128.
7. Давыдов С. И. О предпосылках интеграции оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности : материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск : Омская юридическая академия. 2012. С. 151–157.